

О черногорском национальном вопросе¹

Милован Джилас (1911–1995) — югославский политический деятель и литератор.

И опыт старой Югославии, и опыт последней войны четко говорят о том, что в Черногории потерпели неудачу и те политические силы, что хотят отделить черногорский народ от сербского (зеленаши², сепаратисты), и те, что не признают индивидуальность Черногории и черногорского народа. Что, например, осталось от приверженцев диктатуры 6 января?³ Что осталось от тех, что соглашались с шестиянварцами в черногорском вопросе (то есть соглашались с тем, что такого вопроса вовсе не существует) и при этом кичились демократическим оперением (радикалы, демократы и прочие)? Лишь жалкие остатки, никак не укорененные в черногорском народе. Они черпали силу в сербском шовинизме, но борьба сербского народа с великосербским шовинизмом лишает их этой опоры. Скоро этот источник полностью пересохнет и эти демократы с четническим ножом за пазухой будут добиты, растоптаны и останутся в памяти черногорцев лишь как страшное воспоминание.

Нет смысла напоминать этим людям об опыте старой Югославии, об опыте последней войны, они неспособны ничему научиться. Если бы были хоть чуть-чуть способны — не делали бы того, что делают. Вообще всякий делает не то, что хочет, а то, что может. Они были вынуждены выступать за сербскую гегемонию всеми средствами, даже итальянским и немецким оружием, поскольку они и есть ее носители и идеологи. Но тем более нужно, чтобы у истории учились непоколебимые представители демократии, борцы против оккупантов за братство и равноправие народа. Они не могут наплевать на уроки истории, так как история, ее ход и развитие, передает истинные стремления народа.

- ¹ Перевод выполнен по: Ђилас М. *О черногорском национальном питању* // Борба. 1945. 1 мај. Фотография Джиласа сделана в 1950 году Стеваном Крагуевичем. Лицензия Creative Commons.
- ² Зеленаши — сторонники независимости королевства Черногория после Первой мировой войны — противоположность беленашам, сторонникам объединения Черногории с Сербией. Термин появился при выборах делегатов Подгорицкой скупщины, которая 26 ноября 1918 года приняла решение об объединении, и связан с цветом избирательных бюллетеней: зеленые подавались за сторонников независимости, белые — за противников.
- ³ Диктатура 6 января — период истории Королевства Югославии с 6 января 1929 года (решением короля Александра I Карагеоргиевича распущен парламент, запрещены политические партии, отменена Конституция 1921 года, фактически введен режим личной власти; 3 октября объявлено новое административное деление) до 6 октября 1934-го (убийство Александра I в Марселе).

В этой связи всякое колебание по черногорскому вопросу — и разделение черногорцев и сербов, и отрицание черногорской индивидуальности — может поколебать народные массы, сбить их с пути борьбы за свои права, за демократические свободы. Народ и история этого не забыли бы и не простили бы.

МИЛОВАН ДЖИЛАС
О ЧЕРНОГОРСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ

Еще в старой Югославии, до последней войны, стало понятно, что черногорскому народу не нужны ни те, кто хочет полностью отделить Черногорию от Сербии и создать отдельное черногорское государство, ни сторонники полного единения с Сербией, единения любой ценой со сторонниками полной сербизации черногорского народа. Нужно лишь подчеркнуть, что и Евтич⁴, и Стоядинович⁵ на выборах наперекор террору, наперекор помощи, которую получали в национальном (то есть в главном) вопросе от так называемых демократов, потерпели неудачу.

**И разделение черногорцев и сербов, и отрицание
черногорской индивидуальности может поколебать
народные массы, сбить их с пути борьбы за свои
права, за демократические свободы.**

Надо при этом подчеркнуть, что черногорский народ тогда еще не был готов к ясному выражению своей национальной идеи. И так называемые демократические партии соглашались с диктаторским режимом в важнейшем национальном вопросе, в том, что Черногория не заслуживает никаких национальных прав. Потому ничуть не удивляет, что боевое перо сербско-черногорской «демократии» Марко Дакович⁶ помогал на выборах Евтичу — «ради спасения сербства». Эти «демократы» наигранно возмущались суровыми методами режима, избие-нием сотен людей в тюрьмах, массовой бойней на Бельведере⁷ и в других местах, но одновременно призывали к уважению гегемонистической жандармской законности, к спокойствию и послушанию, к «легитимным» и «дозволенным» методам

4 Боголюб Евтич (1894–1960) — министр двора, министр иностранных дел и премьер-министр в Королевстве Югославия. При нацистах министр транспорта, министр без портфеля и министр леса и горнодобывающей промышленности; после войны — в эмиграции. Именно и только от Евтича известны последние слова умирающего Александра I: машина Евтича следовала сразу за королевской, он первым подбежал к тяжело раненому монарху и якобы услышал легендарное «Берегите Югославию».

5 Милан Стоядинович (1888–1961) — министр финансов в Королевстве сербов, словенцев и хорватов и в Королевстве Югославия, позже министр иностранных дел и премьер-министр. Во время Второй мировой войны жил на острове Маврикий в качестве интернированного, после войны — в Южной Америке.

6 Марко Дакович (1880–1941) — просербский черногорский политик и публицист, критик режима короля Николы. Участник Подгорицкой скупщины 1918 года, в 1919–1921 годы возглавлял Временный национальный совет Черногории в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев.

7 Бельведер — район Цетине, столицы старой Черногории. Джилас мог иметь в виду две разные бойни. Первая: ключевой эпизод «Рождественского устанка» 1919 года — восстание, поднятое сторонниками черногорской независимости, было подавлено новообразованным Королевством сербов, хорватов и словенцев. Вторая произошла летом 1936 года и имела схожие причины и последствия.

борьбы. В душе и между собой они ликовали, что режим так жестоко расправляется с измученным народом и народным движением... Но война сорвала с них маску и заставила открыть подлинное лицо — лицо людей, которые погрязли во всех преступлениях оккупанта, стали проводниками его воли, чтобы сохранить свою гегемонию. Гегемония соединилась с фашизмом, с оккупантом.

Не только 25-летняя история старой Югославии показала, что «теория одного народа» — маска для расширения и укрепления власти горстки сербских, точнее белградских, богачей. Объединение Черногории с Сербией сразу было большим обманом. Несколько интеллектуалов — кто-то в плену иллюзии, что делает важное и полезное дело, а кто-то просто нанятый и оплаченный — в момент, когда сербские войска уже твердо держали власть в своих руках, позвали из всякого уезда по несколько «проверенных» последователей-поклонников, без знания народа и без интереса к нему, и провозгласили «великую» Подгорицкую «народную» скупщину, которая расстелила перед Александром хартию, провозгласившую конец независимости Черногории и безусловное присоединение к Сербии. С того момента реакционные режимы в Черногории используют метод кнута и пряника — пряники для проплаченных беленашско-зеленашских политиков, а кнут — для черногорского народа.

В Черногории тогда не было силы, которая подняла бы народ на борьбу. Отдельные спонтанные крестьянские движения, которые пробовали оседлать проитальянские приверженцы старого режима короля Николы, новый режим короля Александра через три-четыре года потушил погромами и убийствами.

Так начиналась жизнь Черногории в старой Югославии, а конец был еще хуже, но, правда, с одной существенной разницей: теперь в Черногории, как и в остальных странах Югославии, существовала сила, способная повести народ, и в войне участвовал Советский Союз, чье участие изменило лицо мировой схватки. Сторонники старого режима, сторонники сепаратизма под руководством Секулы Дрлевича⁸ сразу после оккупации встали на сторону итальянцев. А поклонники «теории одного народа» сразу пошли с Дражем Михайловичем⁹, то есть

- 8** Секула Дрлевич (1884–1945) — министр юстиции и министр финансов в королевстве Черногория. В годы Второй мировой войны сначала сотрудничал с итальянскими оккупантами в Черногории, а затем с усташским фашистским режимом в Хорватии с целью создания независимого черногорского государства. Разработал собственную теорию «черногорославья», согласно которой черногорское православие не связано не только с сербским православием, но и вообще ни с каким бы то ни было православием. Настаивал на принадлежности черногорцев к «динарской расе». Убит сербскими четниками в лагере для перемещенных лиц.
- 9** Драголюб Михайлович (1893–1946) — основатель и руководитель сербского националистического движения четников. Четническая (от слова «чета» — рота) «Югославская армия на Родине» создана им в 1941 году для борьбы с нацистской оккупацией. Первые месяцы четники сотрудничали с возглавляемым югославскими коммунистами партизанским движением, но очень скоро стали заключать тактически со-

с теми же итальянцами и немцами. Эти вторые имели больше опыта, за ними стоял старый аппарат и «легальная» сбежавшая власть¹⁰, которая пряталась у союзников. Они видели себя мастерами «тактики», то есть кровавого умения сотрудничать с оккупантами, чтобы обеспечить оккупантам спокойствие, порядок и свободное перемещение войск для Восточного фронта и других фронтов, мастерами умения сотрудничать с сепаратистами против партизан, разжигать гражданскую войну по рецептам ОВРА¹¹ и гестапо — и одновременно орать о «сербстве» и тайно шушукаться о дружбе с союзниками, даже и с Советской Россией. Но эта «тактика» в конце концов оборвала все их связи с народом. Черногорский народ, в рамках борьбы всех народов Югославии, стер с лица земли и их, и их сепаратистских собратьев.

Опыт этой войны говорит, что черногорский народ не просто восстал против оккупанта, но и не пошел ни с теми, кто хотел отделить его от Сербии (бывшие зеленаши, сепаратисты, «федералисты»), ни с теми, кто хотел лишить его собственной отдельной национальности (бывшие беленаши, объединители, «демократы» разных мастей). Сотрудничество тех и других с оккупантом сыграло решающую роль как самый выразительный пример их антинародных намерений и поступков. Но нельзя все свести только к этому — как это думают некоторые реакционеры, что «осуждают» «тактику» Драголюбa Михайловича как недостаточно «умелую». Их сотрудничество с оккупантом объединило черногорский народ, убедило его больше, чем что-либо, в реакционных намерениях и беленашей, и зеленашей.

Черногорский народ пошел своим путем, путем борьбы с оккупантами — вместе с сербами и другими народами Югославии; путем борьбы за истинное национальное освобождение — за равноправие в новом государстве, которое должно родиться из восстания против завоевателя. На этом пути черногорский народ вместе со своими братьями из остальных стран Югославии в рамках общесоюзнической войны против Германии и ее вассалов сразил оккупанта, а в своем доме разобрался как с оккупантскими наемниками-сепаратистами, так и с наемниками-гегемонистами. Черногорский народ стал сильнее именно из-за того, что пошел этим путем, и пока будет им идти (а он, несомненно, будет), может победить всех своих врагов и вместе с другими народами Югославии, во внутренней

МИЛОВАН ДЖИЛАС
О ЧЕРНОГОРСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ

глашения с нацистами в операциях против партизан. После окончания войны Михайлович был расстрелян по приговору суда за сотрудничество с оккупантами; в подготовке обвинительного заключения принимал участие Милован Джилас. Михайлович реабилитирован в 2015 году: в современной Сербии и четников, и партизан одинаково считают борцами с нацистами.

10 Король Петр II Карагеоргиевич (низложен в 1943 году) с приближенными находился во время войны в эмиграции в Лондоне.

11 Тайная полиция в Италии времен фашистской диктатуры.

и внешнеполитической линии, которая под руководством товарища Тито победила в войне, будет непобедим.

Этот опыт черногорского народа и его освободительного движения, и не только из эпохи старой Югославии, но и, что много значительнее, опыт этой войны за свободу, этой борьбы не на жизнь, а на смерть. Это опыт освободительного движения Югославии, ставившего черногорский национальный вопрос. Те, кто пренебрегает этим опытом, кто хотя бы на миг о нем забывает, обречены на жалкую судьбу упомянутых врагов черногорского народа, врагов новой Югославии.

Национальное равноправие черногорского народа, которое выражается в его федеральном статусе в Югославии, не результат чей-то милости, доброй воли или уступчивости — но борьбы черногорского народа и всех народов Югославии. Покушаться в любом виде на эти кровью добытые права — значит работать на возвращение старого, идти путем, который многих довел до сотрудничества с оккупантом, до позиции врага народа.

Кто сегодня еще ставит черногорский вопрос? Кто считает его нерешенным? Те же люди, что 25 лет были носителями идеи одного народа, одной нации, те самые, кто в качестве союзников оккупанта были побеждены в эту войну и *в этом* вопросе. Об этом вопросе говорят — и в глубине души не считают его определенно решенным — и некоторые черногорские сторонники бывших сербских гражданских («крестьянских», «демократических») партий, которые вообще-то участвовали в борьбе с оккупантом кто с меньшим, кто с большим колебанием. Нужно подчеркнуть, что так называемые сербские демократические (гражданские, «крестьянские») партии (считая и республиканцев, и так называемых левых земледельцев) и до сегодняшнего дня открыто не признали национальной индивидуальности македонцев и черногорцев. Очевидно, вожди этих партий еще связаны пуповиной с прошлым, в котором они возникали и формировались.

Каковы аргументы противников (и тех, кто еще колеблется) права на федеральное положение, на самостоятельность черногорской нации?

Первый аргумент: Черногория пассивна и как отдельная единица неспособна существовать. Этим аргументом чаще других пользуются гегемонисты из старой Югославии. Это аргумент не принимает во внимание национальных прав и национальности черногорцев, выдвигает инертность Черногории как «неопровержимый» факт и хочет — вне зависимости от желания самого народа — этот народ «присоединить», чтобы спасти от беды. Это взгляд старого грабительского режима Югославии. Те же самые режимы забирали из «пассивной» Черногории больше налогов, нежели тратили на нее из феде-

рального бюджета. Черногория может быть пассивна только временно и относительно, то есть в сравнении с другими, более богатыми окраинами. В Черногории мало пахотной земли, но Черногория может производить мяса выше своих потребностей, развивать рыболовство, производство оливкового масла, табака, вина и так далее, не говоря о возможности развивать горную и другие отрасли промышленности. Между федеральными землями¹² Югославии не будет таможенных границ, а потому не будет никаких помех для обмена товарами. Черногория в прошлом не получала никакой помощи, брали только с нее, и делали это те самые сторонники теории «пассивности». Все зависит от того, откуда смотреть на проблему. Если в границах между федеральными единицами видеть не стены, которые разделяют, а цепочки, которые связывают, если в производственных вопросах Югославии увидеть единство, которое нужно развивать в интересах всех народов, а не тех или иных групп одной нации; если думать, что производство в Югославии будет становиться сильнее и самостоятельнее, тогда... тогда о пассивности Черногории не может идти и речи.

МИЛОВАН ДЖИЛАС
О ЧЕРНОГОРСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ

**Если в границах между федеральными единицами
видеть не стены, которые разделяют, а цепочки,
которые связывают, если в производственных
вопросах Югославии увидеть единство, которое
нужно развивать в интересах всех народов, тогда
о пассивности Черногории не может идти и речи.**

Сейчас Черногория, разумеется, в тяжелейшем положении из-за тех жертв, что принесла за свободу новой Югославии, вследствие того невиданного опустошения, которое произвела в ней война. Она долго должна будет получать братскую помощь, пока после всех пережитых ужасов не встанет на ноги. Это естественно и понятно. И сербский народ уже много сделал для своих братьев, а зимняя помощь крестьянам и молодежи из Ужицкого края Черногории относится к самым трогательным примерам братства между народами Югославии.

В остальном пусть Черногория и не имеет собственных условий для развития, это ни в коем случае не может оправдать намерения, что она будет «присоединена», то есть угнетена.

12 Термин «республики» появился лишь в Конституции Федеративной Народной Республики Югославия 1946 года. Вообще же состав будущего государства — Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Хорватия — был определен на II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии в Яйце 29–30 ноября 1943 года; в резолюциях вече нет названия будущих административных единиц, речь идет лишь об объединении упомянутых народов.

Ей надо помогать, развивать ее, а не давить и останавливать ее всестороннее национальное развитие.

Другой аргумент: черногорцы — это сербы, и нет никакой необходимости разрывать единство сербской нации. И более того: черногорцы не просто сербы, а самые «чистые сербы», «колыбель» сербства. В подтверждение этого мнения приводится прошлое Черногории, Негош, народные песни и тому подобное.

Черногорцы, несомненно, относятся к сербской ветви южно-славянских народов. В прошлом, в XIX веке, да и в начале XX, сербы в Сербии были райей¹³ под турками, черногорцы — частично райей, а частично свободными крестьянами в постоянной борьбе с турками. Единая религия была идейной основой борьбы тех и других против турецкого феодализма (крест против полумесяца). Естественно, что в православной райе, единой по историческим традициям и родственной по языку и обычаям, существовала и единая тяга к освобождению и общей борьбе. Но пути развития в нацию у сербов и черногорцев были различные.

Здесь надо коротко объяснить, почему черногорцев считают «чистейшими сербами», а Черногорию «колыбелью» сербства. Черногория, веками сопротивляясь туркам, была для всего крестьянства сербского происхождения очагом свободы, хранительницей исторических традиций. Черногорские крестьяне, переселяясь в другие края (особенно в Сербию), несли с собой дух борьбы с турецким (исламским!) феодализмом, были носителями сербских традиций. Когда началось формирование сербской нации, они, находясь вместе с родственным сербским крестьянством, влились в нее и соединились с ней. Колыбель освободительной борьбы против турок, таким образом, в сознании народных масс превратилась в «колыбель» сербства; упорное сохранение традиции, которая служила идейной основой борьбы, и породило представление о черногорцах как о самых «чистых сербах» (чем они с точки зрения традиции и были). О формировании наций — сербской и черногорской — в то время, разумеется, не могло идти и речи. Но из вышеприведенных фактов люди, которые не знали законов формирования наций, которые не поняли сущность национального вопроса, сделали вывод, что черногорцы «чистейшие сербы» и что Черногория «колыбель» сербства. Теперь же это используется как идейная основа присоединения Черногории, основа оспаривания национальных прав черногорцев.

Сербский народ в Сербии в начале XIX века начал превращаться в современную нацию. Этот период совпадает с форми-

13 Райя — Османский термин, обозначающий податные сословия немусульманского вероисповедания, главным образом крестьян. Часто употребляется в сербской публицистике в расширительном значении — народ, лишенный прав.

рованием независимого государства и — без чего современной нации не может быть — с развитием капитализма (которое, как и национальное сознание, началось раньше в Воеводине, нежели в Сербии). Сербские национальные меньшинства (в Боснии и Герцеговине, в Хорватии), раздробленные и перемешанные с другими народностями, не имели никаких условий для развития в какую-то отдельную нацию: не были связаны экономически, не имели единой территории. Потому они, естественно, ориентировались на сербские государства Сербии и Черногории (процесс формирования черногорской нации был тогда в самом начале). Эти меньшинства, таким образом, стали частью сербской нации прежде, чем сформировались в единую нацию черногорцы, и совершенно понятно, что они не видят никакой разницы между сербами и черногорцами, принадлежа по своему ощущению и тем и другим.

Турция, которая вклинилась Санджаком между Сербией и Черногорией как раз в эпоху, когда в Сербии формировалась, а в Черногории еще не начала формироваться нация, помешала соединению тех и других в одну национальность, что, возможно, и случилось бы, происходи развитие тех и других одновременно. Сербы и черногорцы одного (сербского) народного происхождения, одного корня, но развитие их в нации, развитие национального самосознания шло разными путями. Из факта, что у черногорцев и сербов единое происхождение, гражданские теоретики и мелкобуржуазные политики, которые не понимают суть национального вопроса и законов формирования нации, делают вывод о единой нации, вывод, который на самом деле был основой и оправданием гегемонизма.

МИЛОВАН ДЖИЛАС
О ЧЕРНОГОРСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ

Из факта, что у черногорцев и сербов единое происхождение, гражданские теоретики и мелкобуржуазные политики делают вывод о единой нации, вывод, который на самом деле был основой и оправданием гегемонизма.

В качестве иллюстрации различных путей развития Сербии и Черногории может служить политика Обреновичей¹⁴. Тогда в Сербии уже формировалась нация, и Обреновичи (начиная с Михаила) уже склонялись к присоединению Черногории. Это заметил и Светозар Маркович¹⁵, который блестяще охарактеризовал намерение Обреновича увеличить количество

14 Сербская княжеская (с 1882 года — королевская) династия. Князь Михаил Обренович правил в 1839–1842-м и 1860–1868 годах. Первое правление закончилось свержением Михаила, второе — его убийством.

15 Сербский публицист второй половины XIX века.

подданных. (Король Никола позже из тех же соображений провозглашал сербство Призрени, Косово, Герцеговины и прочих, хотя в то время процесс формирования черногорской нации уже серьезно продвинулся.) Против подобных настроений некоторых слоев тогдашнего сербского общества и бюрократии в Черногории проявляется стремление к объединению (Негош, Марко Милянов¹⁶) — там еще нет сформированной нации, национального сознания, и эти стремления только выражение давнего желания народных (крестьянских) масс объединиться для защиты от турецкого феодализма с одноплеменной сербской православной райей (которой больше не было, которая уже превратилась в нацию!) в Сербии. Кроме того, тенденция, которая пришла из Сербии (во второй половине XIX века из властных кругов), не идентична такой же черногорской. В Сербии уже шла речь об увеличении территории и числа подданных, в Черногории — об освобождении от османской угрозы, которая постоянно висела над головой, о крестьянской массе, которая традиционно ощущала себя сербской и которая только начала превращаться в отдельную нацию.

Формирование черногорской нации началось на столетие позже, чем сербской. Здесь существовали условия (территория, экономические связи и так далее), каких не было у меньшинств в Боснии и Герцеговине. Процесс формирования черногорской нации продолжается до сих пор; особенная черногорская индивидуальность, национальное самосознание и национальные особенности ярко проявились в этой войне. Эта война в известном смысле есть кульминационная точка формирования черногорцев в отдельную нацию. По племенной традиции они себя ощущают, да и являются сербами (сербские племена в Средние века, сербская райя, сербский народ под турками), но сегодня они в национальном отношении нечто особенное, черногорское (как например и сербы в Сербии не черногорцы и не ощущают себя таковыми). Глядя на вещи таким образом, через историческое развитие, совершенно ясно, почему черногорцы сегодня ощущают себя чем-то отдельным (не оспаривая, что они сербы по традиции, по происхождению), почему считают естественным, когда их называют черногорским народом (нацией), и смотрят на свое федеральное положение как на нечто необходимое, естественное и понятное.

Но такой тезис непонятен закоренелым гегемонистам в Сербии и их слабым и невлиятельным агентам в Черногории. Этот тезис, к сожалению, не ясен многим, кто наследует гегемонистам, которые еще не освободились от консервативного

16 Марко Милянов (1833–1901) — черногорский писатель, борец с османским могуществом, градоначальник Подгорицы, воевода племени Кучи. Обучился грамоте после 50 лет, оставил после себя несколько литературных произведений (все опубликованы посмертно).

и законсервированного мышления, наслоившегося в течение долгих лет, — мышления, которое не принимает в расчет различий в путях развития сербов (в Сербии и на других территориях) и черногорцев, различий в эпохах формирования одной и другой наций (первой во время так называемого либерального капитализма, второй — в наивысшей стадии капитализма, при империализме).

Таково сегодня фактическое состояние дел. А о будущем можно только гадать. Кто-то утверждает, что без гегемонии и гегемонистов дело между сербами и черногорцами в Сербии быстро дойдет до объединения, до слияния. Было бы, конечно, смешно оспаривать такую возможность. Теоретически такое возможно даже с народами, которые близки гораздо меньше. Но при этом такая возможность не может быть аргументом, чтобы искусственно, силой стирать черногорскую индивидуальность. Излишнее навязывание, форсирование вышеуказанного предположения, как это сегодня делают некоторые, таит в себе тайное гегемонистическое желание и сны о воскресении шестииюльской¹⁷ «славы» и «величия» или идет с ними рука об руку. Оправданнее думать (с теоретической точки зрения), что черногорцы в свободном положении еще сильнее, еще выразительнее проявят свою индивидуальность. Но это проявление в условиях новой Югославии, какой она должна стать, не удалит черногорцев ни от сербов, ни от хорватов — а наоборот, делает отношения все более близкими и братскими. В остальном разве опыт этой войны, столь разносторонний, не говорит, что, именно проявляя, как никогда сильно в истории, свою национальную индивидуальность, черногорцы нашли общий язык с сербами в Сербии и стали им ближе, как никогда раньше. Кроме того, борьба за свободу и равноправие черногорского народа, за свободное, открытое выражение его национальной индивидуальности и за уважение его федеральных прав — это единственный путь к сближению, к настоящему братству между сербской и черногорской нациями, которые произошли из сербских племен.

Третий аргумент: Черногории (пока что!) якобы нужно дать федеративный статус из политических соображений, но не следует — не дай бог! — говорить об отдельной черногорской национальности. Дать федеративное положение как временную меру, пока черногорцы не успокоятся, пока не изживут своей особенной государственности, которую имели раньше, пока не освободятся от сильного провинциального самоощущения. Для людей таких взглядов федеральное положение Черногории — заранее лишь маневр, временное зло, которое нужно потерпеть

17 Отсылка к «Диктатуре 6 января». 6 июля 1929 года был принят большой пакет законов обновленного Королевства Югославия.

из-за «коммунистических заблуждений» и «твердоголовости» коммунистов, которые «придумывают» нации и работают в данный момент на разрыв, на ослабление сербства, поскольку боятся гегемонистов, как ребенок боится призрака, и во всем видят руку старых режимов и партий, видят возрождение гегемонизма. Эти люди думают: пусть сейчас будет федерация, черт с ней, но одновременно напоминают, что не должны звучать определения «черногорский народ», «черногорская нация».

{ Именно проявляя, как никогда сильно в истории, свою национальную индивидуальность, черногорцы нашли общий язык с сербами в Сербии и стали им ближе, как никогда раньше.

Такие представления — пусть они и вызваны благими намерениями — не хороши и не правильны. Они не порывают со старыми понятиями, со старым, традиционным взглядом на национальный вопрос, на проблему формирования нации. Мы, коммунисты, за федеративный статус Черногории не из тактических соображений (то есть из необходимости временного маневра), и мы не за расщепление сербства. Мы за него, поскольку уверены, знаем, что этого хочет черногорский народ, который ощущает себя и действительно является чем-то особенным, особенными от других сербов «сербам» — черногорцами. А разывают традиционное сербство те, кто хотел запачкать его сотрудничеством с оккупантом, кто говорит о сербах (в Сербии) и о черногорцах как о едином народе и одновременно рычит против черногорцев в центральном государственном аппарате, говорит, что черногорцы хуже усташей¹⁸. Сербство уничтожают эти трусливые, выжившие из ума старцы времен короля Николы, которые провозглашали черногорцев «красными хорватами»¹⁹ и пытались вырыть непроходимый ров между двумя родными братьями.

Не приходится ждать, что гегемонисты смирятся с национальным равноправием Черногории. Они и на присоединение автономной Воеводины и автономных Косово и Метохии²⁰ смотрят как на первый шаг их присоединения без автономии. Но они —

18 Ультранационалистическая хорватская организация, основанная в 1929 году. Усташе руководили в 1941–1945 годах марионеточным Независимым Государством Хорватия, проводившим политику геноцида по отношению к сербам, евреям и цыганам. Усташские идеи по-прежнему имеют популярность в Хорватии.

19 «Красная Хорватия» — средневековый географический термин, использовавшийся для обозначения южных славянских земель, в том числе территории современной Черногории. Никогда не имел широкого распространения. «Красная» здесь в значении «южная».

20 Воеводина, Косово и Метохия были в социалистической Югославии автономными республиками в составе Сербии. Воеводина до сих пор сербская автономия, Косово в 2008 году в одностороннем порядке объявило о независимости, которую признает 102 из 193 государств — членов ООН.

не в первый и не в последний раз — обманываются; автономия останется, эти края присоединяются к Сербии не для усиления гегемонизма, а потому, что это отвечает интересам и сербского народа в Сербии, и жителям этих областей. Гегемонисты хотели бы присоединить и Черногорию как сербскую часть — федерации как формы единства им мало; затем последовала бы Македония, то есть «Южная Сербия», потом и Босния (которая «всегда» была сербской) и так далее. Пока все не вернулось бы на круги своя в 1918 год, в шестое января...

Но не так думает сербский народ. Его цель — братство с другими народами, а не собственная гегемония, которая и у него отобрала даже и ту свободу, что была до Первой мировой войны, и в конце концов привела немцев, Недича, Лютича²¹, Дражу Михайловича... Он сейчас воюет, льет кровь на фронтах, рискует всем ради победы над врагом, ради новой жизни, ради истинной демократии. Он любит черногорский народ, потому что нашел в нем лучшего военного друга, вместе с которым проливал свою кровь, потому что брат никогда не предаст брата. Сербский народ радуется, что черногорцы вместе с сербами, вместе с остальными югославами начали возводить на развалинах новый дом, в котором будут жить вместе без слуг и господ и на этот раз без «освобожденных» и «освободителей», как свободные и равноправные члены большого сообщества.

МИЛОВАН ДЖИЛАС
О ЧЕРНОГОРСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ

Перевод и комментарии Вячеслава Курицына

21 Димитрие Лютич (1891–1945) — создатель сербской православно-националистической партии «ЗБОР», в годы Второй мировой войны командовал пронацистскими ополчением и молодежной организацией. Милан Недич (1877–1946) — министр обороны Королевства Югославия в 1939–1940 годах, премьер-министр коллаборационистского правительства Сербии в 1941–1946-м.

